

Нэтти Глэйр

НЕКОТОРЫЕ
ЖЕЛАНИЯ
НЕ УМИРАЮТ.
ОНИ ПРОСТО
ЖДУТ.

ХОЧУ ТЕБЯ. НЕ НАВИЖУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СТРАС
КОН
ОДЕР
ПРАВДА

18+

ГРАНЬ МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ
И НЕНАВИСТЬЮ — ТЫ

Нэтти Глэйр

Хочу тебя. Ненавижу

<https://litres.ru/74517624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я люблю простые вещи. Скорость. Драки. Честные правила.
С людьми сложнее.

Особенно с той, кого отец привёл в наш дом – и которая с первого дня играет свою роль слишком хорошо, чтобы ей верить.

Я вижу таких насквозь. Знаю, чего они хотят. И не собираюсь позволить ей получить это.

Вот только она смотрит на меня так, будто это я – открытая книга.

И я ненавижу её. Ненавижу так сильно, что не могу перестать думать, какая она на вкус.

Содержание

Глава 1. Арс	4
Глава 2. Арс	9
Глава 3. Арс	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нэтти Глэйр

Хочу тебя. Ненавижу

Глава 1. Арс

Хочет меня? Получит! И тогда точно вылетит отсюда к чертям...

Своя кровь на вкус всегда паршивая, но сейчас эта срань хотя бы доказывает, что я ещё дышу.

Ночь. Дождь хлещет по визору с такой злостью, словно пытается вбить мне мозги обратно в череп. Будто на ринге было мало. Во рту – химозная дрянь: смесь слюны, горечи и железа.

Запястья под кожаными перчатками гудят тупой болью. Прямой правый прошёл неплохо – тому мудаку в клетке челюсть я, считай, вправил по-новому, но сам словил пару тяжёлых подач в рёбра. И знаете что? Это блядски великолепно. Физическая боль – понятная штука. Она осязаемая. В отличие от того дерьма, что ждёт меня в доме отца.

Я кручу ручку газа, и двухсотсильный сукин сын подомной взрывается низким рыком, от которого вибрируют яй-

ца и позвоночник. Спидометр жрёт цифры: девяносто, сто десять, сто сорок... Сиэтл за границами шлема плавится в грязную размытую жижу из фар, мокрого асфальта и отражений зданий. Город захлёбывается водой, и я вместе с ним.

Отец, наверное, уже втискивает свои идеальные полсотни лет в махровый халат, потягивает свой ебанный двадцатилетний скотч и думает, что жизнь удалась. Ещё бы. У него теперь есть Милана.

Сука. Одно это имя на языке горчит сильнее, чем разбитая губа.

Мне бы сейчас повернуть к порту. Выжать из мотора всё, что есть, и въехать на полном ходу в какой-нибудь ржавый контейнер – лишь бы не возвращаться в этот тошнотворно роскошный склеп. Лучше ещё десять раундов в клетке. Лучше пусть тот хмырь со сломанным носом выбьет из меня последние мозги. Что угодно, только не видеть, как эта стерва расхаживает по нашему дому с видом хозяйки, ластится перед стариком и вытягивает из него чек за чеком.

Она думает, что сыграла тонко. Думает, я не вижу, что она за дрянь. Взрослая, независимая. А по сути – хитрая охотница за деньгами.

Только я таких читаю как открытую книгу. Аналитика – моя работа, и эту математику я решил с первой же секунды.

Зарывшись в мыслях, чуть не пролетаю поворот на особняк. Зажимаю тормоз, заднее колесо ведёт на скользкой раз-

метке, но я удерживаю байк на грани. Сердце колотится где-то в горле – ритмично, тяжело, агрессивно. Я зол. Как же я зол.

Заезжаю на территорию. Автоматика бесшумно отводит ворота. Верхние этажи дома тонут в темноте, зато внизу, в гостиной и столовой, горит мягкий свет.

Она ещё не спит. Опять здесь.

Глушу мотор. В наступившей тишине слышно только, как потрескивает остывающий глушитель, да лупят по шлему капли. Срываю с головы защитную скорлупку и делаю жадный глоток сырого, промокшего воздуха. Сбитые костяшки на правой руке саднит, стоит сжать кулак.

Ну что, погнали на второй раунд, Милана. Посмотрим, на сколько тебя хватит сегодня.

Всё началось две недели назад, когда отец притащил эту алчную стерву в дом.

Я таких просчитываю на раз-два. Очередной выкидыш русской глубинки, который пытается зацепиться зубами за Штаты, потому что на родине её ждёт разве что съёмная однушка и пиво по пятницам. Ни кола ни двора, за душой – полный голяк. Зато в арсенале главное оружие: рабочий передок, подвешенный язык и умение вовремя включить притворство на полную.

Похотливая, продуманная тварь.

Я помню тот первый вечер. Она стояла в нашей гостиной,

разглядывала лепнину и отцовскую коллекцию картин, а потом повернулась и упёрлась взглядом в меня. И я, мать твою, своими глазами видел, как у неё внутри щёлкнул этот блядский тумблер. Чуть слюну не пустила. Глаза вспыхнули хищным, сучьим блеском – тем самым, каким баба смотрит не на стареющий чек на ножках, а на молодое мясо.

Она трётся с моим стариком, заглядывает ему в рот, стелет перед ним шёлком, а сама, сука, захлёбывается мыслью про горячее тело и твёрдый член. Увидела меня – и потекла на месте. Я кожей чувствовал, как её грязный, липкий взгляд сканирует мои кубики пресса и татуировки.

Я отлично знаю, какое впечатление произвожу на баб. Мне не нужно напрягаться, чтобы они прыгали в постель. Но ты же, блядь, пришла к моему отцу! Строишь из себя правильную, зрелую женщину для Николаса Романова!

И от этой её фальши, от дикого, паскудного контраста между тем, кем она пытается казаться перед стариком, и тем, как смотрит на меня, во рту становилось тошнотворно сухо.

Я толкаю тяжёлую дубовую дверь и шаг за шагом вваливаюсь в дом. Внутри тихо. Рывком срываю с себя промокшую кожаную куртку и с размаху швыряю её на диван в холле.

Милана на кухне. Стоит у острова в обычных джинсах и вытянутой футболке – никакой укладки, никакой косметики, вообще без того глянцевого лоска, в котором обычно круглосуточно дефилируют избранницы отца. И эта её покаянная «простота» бесит меня сильнее всего. Пускает пыль

в глаза. Играет в домашнюю и уютную.

Я игнорирую её присутствие и прохожу к холодильнику за водой. Достая бутылку, скручиваю пробку.

– Арсен? Господи, что случилось? – её голос звучит сбоку, и я чувствую, как она подходит ближе.

Она распахивает свои ореховые глаза, глядя прямо на мою рассечённую губу и набрякшую ссадину на скуле. Без лишних слов быстро достаёт из морозильника лёд, оборачивает его кухонным полотенцем.

Хочет казаться заботливой? Сердобольную мамочку включила? Ага, блядь, меня на эту дешёвую херню не купишь.

Милана делает шаг и тянет руку к моему лицу:

– На, приложи, пока не раздуло...

И я вижу, как на её запястье вспыхивает знакомый золотой блеск.

Время вокруг меня просто рушится. Воздух из лёгких выбивает, будто я снова словил хук.

Тонкое плетение. Маленький аккуратный камушек...

Это браслет моей матери.

Что, блядь?! Отец подарил ей браслет моей мамы? Или эта тварь сама вытащила его из сейфа?! Никто. Слышите, никто, чёрт возьми, не смеет трогать то, что принадлежало моей маме!

Глава 2. Арс

Мне было восемь, когда палата матери окончательно пропиталась въедливым запахом антисептика, застоявшейся больничной пыли и чего-то неизбежного.

Я сидел на краю неудобного стула, вцепившись обеими руками в её сухую, почти прозрачную ладонь, и изо всех сил пытался передать ей хоть каплю собственного тепла. Её пальцы были холодными, как застывший ноябрьский лёд, а кожа казалась тонкой и обескровленной, будто старый пергамент. На запястье болтался тот самый золотой браслет – изящное плетение с маленьким камушком, который ловил блёклые отблески люминесцентных ламп. Слишком яркий, слишком неуместный на её истощавшей руке – но мама никогда его не снимала. Не эксклюзив. Не самое дорогое украшение. Ценность в нём была совсем другого рода. Отец подарил его ещё когда они жили в России – молодые, амбициозные, с целой жизнью впереди.

– Арс... – прошептала она. – Посмотри на меня, родной.

Я смотрел. Смотрел и глотал жгучие, солёные слёзы, которые резали горло, но намертво сжимал челюсти, потому что знал: мужики не плачут. Отец всегда так говорил.

Только самого отца рядом не было.

Приборы монотонно и равнодушно отсчитывали секунды её уходящего дыхания. За окном шёл унылый, серый дождь,

пиликали сирены скорых, а в этой стерильной коробке рушился весь мой мир. Мама уходила прямо у меня из-под пальцев, выскальзывала, как речной песок, а Николас Романов решал «критически важные вопросы компании». У него был совет директоров. У него была закрывающаяся сделка. У него всегда находились сотни блядских причин, чтобы быть где угодно, но только не рядом с умирающей женой.

Я держал её руку до последнего удара пульса. До того самого момента, когда тонкая линия на мониторе вытянулась в один непрерывный, визгливый писк, а пальцы матери обмякли совсем и стали чужими. Я был в её прохладную ладонь, не отдавая санитарам, пока меня не оторвали от кровати силой.

Отец приехал через два часа. В безупречном костюме, с идеально уложенными волосами, пахнувший дорогим парфюмом и властью. Он просто стоял и молчал. Ни одной слезы. Ни единой судороги на лице. Аналитик, блядь. Бизнесмен, принимающий неизбежные убытки.

В тот день я поклялся себе в двух вещах: никогда не быть похожим на него и никому не позволить забрать или измазать то малое, что от неё осталось.

И вот сейчас, спустя семнадцать лет, я стою на этой чёртовой кухне, и всё моё существо сводит конвульсивной ненавистью.

Потому что на запястье Миланы Барабаш – этой расчёт-

ливой дряни, которая без мыла вошла в наши жизни – был мамин браслет.

Зрение затягивает кровавой мутой. Воздух застревает в горле острым колом.

– Сними, – голосом, в котором не осталось ничего человеческого, выдавливаю я, шаг за шагом надвигаясь на неё. – Сними эту вещь. Прямо сейчас.

Я делаю шаг вперёд, сокращая расстояние до опасного минимума. Дыхание тяжёлое, рваное, во рту до сих пор держится отчётливый привкус крови с ринга. Над плитой горит единственная лампа – узкий жёлтый конус света, в котором мы оба стоим слишком близко друг к другу, а остальная кухня тонет в полумгле.

Милана не отпрянула. Лишь чуть вскинула подбородок, встречая мой напор абсолютно непроницаемым взглядом. Ни тени страха, ни единого намёка на вину. Никаких попыток сгладить угол. И эта её отстранённость бесит меня до искр из глаз.

– Сними, – повторил я, нависая над ней всей массой. – Откуда он у тебя? Отец из сейфа достал? Или сама уже научилась замки вскрывать?

Милана медленно опускает взгляд на своё запястье. Её пальцы сжимаются.

– Это моё, – отрезает она, как-то уж слишком спокойно. И точка. Никаких оправданий. Никаких объяснений. Ни слова о том, откуда он у неё, кто ей его дал.

У меня внутри разом взрывается спёртый воздух, будто лёгкие не выдержали давления. Сука. Какая же отточенная, надменная, наглая тварь. Смотрит мне в лицо, встаёт в позу и считает, что может просто закрыть тему одной фразой!

– Твоё? – я выдавливаю из себя смешок, делая ещё шаг вплотную, так что между нашими лицами остаются считанные сантиметры. – Ты совсем страх потеряла, Барабаш? Снимай. Или я сорву его прямо сейчас вместе с твоей шкурой.

Только я заносу руку, чтобы вмять эту дрянь в кухонный остров, как за спиной раздаётся тяжёлый, уверенный шаг.

– Арсен? Что здесь происходит?

Голос отца. Спокойный, глубокий, с той самой властной хрипотцой, от которой у его подчинённых поджимаются хвосты.

Я замираю, так и не коснувшись её кожи. Милана даже не шелохнулась, лишь чуть перевела взгляд мне за плечо.

Отец входит на кухню. В домашнем брючном костюме, свежий, собранный, словно сейчас не три часа ночи. Скользит быстрым, цепким взглядом по моей пробитой губе, по сбитым костяшкам, а затем сразу – на Милану. В его глазах мгновенно вспыхивает эта грёбаная, неуклюжая тревога.

– Ты в порядке? Он тебя не тронул?

Сука. Меня аж подбрасывает изнутри. В груди всё вспыхивает таким адским пламенем, что преисподняя показалась бы Антарктидой.

Ты смотри-ка, поспешил! Прибежал! Как чувствовал, что

его драгоценной пассивности что-то угрожает. Нашёлся долбаный спаситель!

Перед глазами белой вспышкой встаёт та самая больничная палата. Серый дождь за окном. Непрерывный писк монитора. Холодные пальцы матери, из которых выходила жизнь, и пустой, блядь, проём двери. Тогда у него были «важные дела». Тогда у него не было времени приехать, чтобы просто поддержать.

А ради этой хищницы, которая без году неделя в нашем доме, он подорвался за секунду!

– В полном порядке, Николас, – тихо, но абсолютно ровно отвечает Милана, слегка уводя руку с браслетом за спину. – Арсен просто зашёл выпить воды. И уходит.

Она ещё и защищает меня? Или просто боится, что я прямо сейчас вскрою перед стариком всю её гнилую суть?

Я поворачиваюсь к отцу. Челюсти сжаты так, что зубы трещат.

– Надо же, какими судьбами, папа, – я выдавливаю из себя ядовитую, оскаленную улыбку, глядя ему прямо в глаза. – Быстро же ты являешься на помощь, когда дело касается твоей новой бабы. Жаль, семнадцать лет назад у тебя скорость реакций была ниже.

Жду крика. Жду, что старик включит своего привычного «хозяина жизни», начнёт качать права и орать, что я не смею так разговаривать в его доме. Я готов к этой драке. Я блядски жажду её. Мне нужно спустить этот ядовитый ртутный пар,

который разрывает грудь.

Но Николас молчит несколько бесконечных секунд. Взгляд отца – обычно цепкий, тяжёлый, аналитический – на мгновение теряет свою жёсткую фокусировку. В нём проскальзывает что-то непонятное.

– Ты прав, – произносит он. Тихо. Без капли гнева.

Голос его звучит так, будто ему тяжело проталкивать эти слова через горло.

– Я опоздал тогда, Арс. И если тебе от этого станет хоть немного легче... я не простил себя за это до сих пор.

Воздух в кухне замирает, превращаясь в густой, невидимый кисель.

Меня будто обухом по голове оглушает. Кулаки, сжатые до белых костяшек, бессознательно разжимаются. Я стоял, заряженный на тотальное уничтожение, готовый разнести здесь всё к чёртовой матери, а отец просто... взял и убрал щиты. Вылил на меня этот покаянный елей.

Он не оправдывается. Не спорит. Он просто признаёт, что проебал самый важный момент в жизни.

Милана по-прежнему стоит у края острова – тонкая, гордая, с этими своими странными, ореховыми глазами, в которых нет привычного женского испуга. Она не смотрит на Николаса с жалостью, не бросается его утешать. Она смотрит на меня. И в её взгляде нет торжества. Там лежит что-то страшное – понимание? Будто она просчитала всё устройство моей разбитой башки в одно мгновение.

И от этого меня накрывает ещё большей тошнотой.

Играет. Защищает меня перед ним, чтобы выглядеть святой? Или просто показывает, кто здесь контролирует ситуацию?

– Пошёл ты, – выдавливаю я сквозь сжатые зубы, глядя прямо в глаза отцу.

Разворачиваюсь на пятках и шаг за шагом ухожу из этой душной кухни, на ходу сжимая и разжимая травмированную кисть.

Глава 3. Арс

Утро в Сиэтле не радовало – оно просто сменило гнев на милость.

Вчерашняя штормовая шваль улеглась, ливень поменялся вахтой с густым, липким туманом, который ключьями висел над заливом Эллиотт. Асфальт ещё блестел от влаги, но воздухом уже можно было дышать: в нём вместо бензинового перегара и пыли пахло солёной водой, мокрой хвоей и какой-то призрачной свежестью.

Я гнал байк по набережной, выжимая из мотора ровный, гулкий бас. Ночь прошла в полусне-полубреду. Слова Николаса – это его раздавленное «не простил себя до сих пор» – сидели в печёнках воспалившейся опухоли.

Мне нужно было выветрить остатки ночного дерьма и переключить мозги, когда взгляд случайно зацепился за силуэт у самой кромки воды.

Одинокая фигура у чугунного ограждения пирса.

Мимо проезжали редкие машины, где-то вдалеке гудел паром, а она стояла неподвижно, затерявшись в сером утреннем унынии. Объёмное пальто, темно-русые волосы, выбившиеся из-под капюшона. Милана Барабаш.

Я мгновенно сбросил газ, сворачивая в тень крытой парковки у закрытого рыбного ресторана. Глушить мотор сразу не стал – оставил первое время работать на холостых, а сам

прислонился к бетонной колонне, зажав губами сигарету.

Внутри сразу вспыхнул азарт охотника. Сука, ну конечно! Семь утра. Почти край города. Втихаря сбежала из особняка, пока старик спит. Я прямо физически ощутил, как по венам разливается ехидный кайф: ну всё, попалась, дрянь. Двойная игра, любовник – да что угодно! Например, сейчас подкатит какой-нибудь хмырь на тонированном седане. Я уже видел, как швыряю Николасу на стол доказательства её гнилой сути.

Я ждал. Минуту. Пять. Пятнадцать.

Но ничего не происходило.

Никакого автомобиля. Никаких подозрительных типов. Милана даже к телефону не прикоснулась. Она просто стояла, обняв себя руками за плечи, и неподвижно смотрела на маслянистую воду залива.

Мой азарт начал постепенно тухнуть, уступая место раздражению и странному, нехорошему предчувствию. Чёрт возьми, да что она тут делает?!

Вот она засунула руку в карман. Наконец-то. Ждала звонка? Но Милана медленно достала маленький прямоугольник. Попытался разглядеть...

Старая, слегка помятая бумажная фотография.

Долго разглядывала её, глядя пожелтевший глянец большим пальцем – так осторожно и бережно, будто держала в руках что-то хрупкое. А потом её плечи едва заметно вздрогнули. Она опустила голову и – тихо заплакала.

У меня внутри будто шестерёнки заклинило. Какого хера?
А потом быстро прижала фотографию к губам, пряча обратно в карман.

Она глубже надвинула капюшон, смахнула слёзы тыльной стороной ладони и, так и не оглянувшись, пошла прочь вдоль пирса – к ждавшему неподалёку жёлтому такси. Вскоре зашуршали шины, и машина растворилась в туманной дымке.

Я остался стоять у колонны. Кровь в висках застучала с удвоенной силой. Сигарета давно догорела до самого фильтра, обжигая пальцы. Чёрт.

В голове крутилась только одна разрывающая мысль: что она скрывает?

Непонимание трансформировалось в злость. Эмоции распирали рёбра изнутри, не давая сделать нормальный вдох. В башке образовался адский кавардак. Я чувствовал, как меня штормит изнутри.

В такие моменты, когда у меня в черепной коробке горит предохранитель – я глушу это действием. И сейчас больше всего мне хотелось выбить из себя эту хренову чувствительность, пока она не сожрала меня с потрохами.

Через двадцать минут мой байк уже остывал на парковке под мостом Спокан-Стрит.

Внутри зала, как обычно, пахло потом, старой кожей и железом. Кто-то ритмично и сочно долбил по тяжёлой груше в углу. Кто-то отборно матерился под стокилограммовой

штангой. На дальнем ринге уже шла ленивая утренняя возня – двое пацанов гоняли друг друга по настилу вполсилы.

Нормальное утро. Понятное место.

Без всей этой домашней драмы, без соплей. Именно за это я и любил Foundry Gym. Здесь всё было до судорог честно. Либо бьют тебя, либо бьёшь ты.

Я подошёл к скамейке, сдирая кожанку и доставая из сумки бинты.

– Ты выглядишь как собачье дерьмо, Романов, – хмыкнул Майк, заметив меня у канатов и на ходу вытирая шею полотенцем.

– Спасибо, – выплюнул я, натягивая жёсткую ткань на костяшки.

– На тебе лица нет, ты опять со своим стариком закусился?

– Не твоё дело, Майк. Дай пару раундов, нужно дурь спустить.

– Остынь, у меня плечо гудит, я сегодня только на железе, – он мотнул головой в сторону ринга. – Возьми кого-нибудь из мелких, они как раз разогреваются.

Из колонок под потолком орал тяжёлый рок, тренер у дверей громко покрывал матом кого-то за хреновую стойку, пацаны ржали в качалке, обсуждая вчерашние бои. Жизнь заводилась в своём привычном, простом ритме. Я уже почти почувствовал, как этот гул вытесняет из головы паршивый образ Миланы, как внутри наступает долгожданная пустота.

И тут массивная железная дверь служебного входа со

скрежетом распахнулась, ударившись о бетон.

Музыка из колонок захлебнулась. Звон блинов у стойки затих – зал в секунду накрыла нехорошая тишина. В проёме стоял мужик. Высокий, плотный, в распахнутом тёмном пальто. От него за версту несло опасностью и дорогим табаком.

Он двигался без суеты. Спокойно, по-хозяйски, будто этот подвал принадлежал ему.

– А ты, мать твою, ещё кто? – выплюнул Майк, шагая ему наперерез. – Попутал адрес, мужик?

Гость даже не повернул головы. На ходу сбросил пальто на скамейку, оставаясь в одной тёмно-серой футболке, и медленно потянул из кармана старые, засаленные бинты.

Его свинцовый взгляд скользнул по парням и намертво зафиксировался на мне.

У меня внутри всё оборвалось. Кровь в висках застучала с такой силой, что в глазах на секунду потемнело. Я узнал его. Тень из самого тёмного, давно закопанного прошлого моей семьи. Последний раз я видел его на похоронах матери.

Он ступил на настил ринга, на его жёстких губах проступи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.